

Накормив птицу, он опустил балдахин Линг Мяомяо, надел пальто и вышел.

Му Шэн взял вазу с каменной скамьи и полил горшки с висящими орхидеями во дворе. Полив был быстро закончен, и он посмотрел на зеленую траву.

Под слабым зимним солнечным светом листья были покрыты капельками воды и светились слабым светом.

Он молча прикоснулся к своему сердцу и почувствовал его биение под кожей.

После того, как заклинание забвения было снято, бесчисленные забытые воспоминания о прошлом нахлынули на него.

Он мысленно очертил лицо Муронг'эр, каждый ее хмурый взгляд и улыбку, и, наконец, медленно нарисовал знакомого человека, которого он знал с самого сначала, которая расчесывала его волосы перед гримерным столиком и тихо приговаривала: «Волосы маленького Шэн'эр как у его отца, черные и блестящие.»

Свет перед красным газовым балдахином был тусклым, луч проникал сквозь щель в занавеске и падал на ее лицо сбоку, спокойное и нежное, с глазами, которые не могли скрыть ее ласки.

Это был человек, который даже не умел ненавидеть.

Когда-то у него была мать.

Хоть им и было тяжело, но поскольку они поддерживали друг друга, они не чувствовали себя несчастными.

За день до того, как они покинули Хуачжэ, она достала из своего ящика легендарный предмет, сияющий серебряным светом, Сломанные Лунные Ножницы, и провела ими по его волосам, которые отросли почти до талии.

Она долго смотрела на его лицо в зеркало, как будто хотела вырезать его лицо в своем сердце.

«Маленький Шэн'эр, позволь мне спросить тебя.»

«Если однажды мама перестанет быть мамой, тебе будет страшно?»

Он наклонил голову и посмотрел на нее, с удивлением обнаружив, что хотя она и улыбалась, глаза ее были ужасно красными, а затем две капли малиновой крови выпали из ее глаз и сильно упали на ее белоснежные щеки.

«В чем дело?» Он в панике протянул свою маленькую руку и вытер две красные капли.

Она взяла его запястье и улыбнулась: «Шэн'эр, это - слезы расставания.»

«Я не позволю тебе стать монстром», — сказала она, вытирая слезы. Она подняла ему волосы и аккуратно отрезала нити ненависти от его головы.

Сломанные Лунные Ножницы — легендарный предмет, и он может отрезать либо любовь, либо ненависть. Отрезав его врожденную ненависть, она не могла лишиться себя накопленной за всю жизнь любви.

Из любви родилась ненависть, а из беременности родилась обиженная банши.

Мама Ронг держала его за руку, с любовью приглаживая волосы на его лбу: «Не бойся мамы, мама будет защищать тебя изо всех сил. Ты должен жить.»

И он, таким образом, из монстра, не признавшего своих близких родственников, он сделал шаг назад и стал полудемоном, который мог маскироваться под человека, и сегодня он все еще имеет любовь и ненависть, имеет мирские удовольствия и живет в этом мире с чувствами.

Его ладонь прижалась к сердцу. Медленно температура его груди согрела его холодную ладонь.

Если бы не он, ничего бы не произошло. Если бы не он, Муронг'эр не была бы сожрана обиженной банши. Он был корнем проблемы.

Молодой человек приподнял уголки рта, самоуничижительная улыбка медленно расплзлась по его лицу, в глазах светилось немного холодного света.

На ум пришло еще одно воспоминание.

Когда он впервые вошел в дом Му, во время еды, Бай Йиронг несвойственно себе упомянула о нем.

«У Му Шэна еще нет вежливого имени, верно?» Она спросила об этом небрежно, и Му Хуайцзян не обратил на это никакого внимания, а Бай Цзинь странно посмотрела на нее.

«Я попросила кое-кого придумать одно, счастливое, “Цзыци”.»

Она всегда доставляла неприятности, и все к этому привыкли. Бай Цзинь проговорила это имя про себя и не нашла ничего плохого, поэтому улыбнулась и согласилась: «Тогда давай назовем его Цзыци.»

Теперь, когда он подумал об этом, тон голоса Бай Йиронг в тот день, даже под претенциозным безразличием, содержал знакомую нежность.

Казалось, что в то время она все еще пыталась назвать ему его настоящее имя.

Однако... это воспоминание должно было произойти после заклинания забвения, так почему же он не вспомнил об этом раньше?

Юноша нахмурился, его сомкнутые ресницы задрожали, виски болели... Заклятие забвения было снято, почему он все еще так себя чувствует?

«Цзыци.»

Четкий, звонкий голос вывел его из пропасти.

Он посмотрел вверх. Линг Мяомяо распахнула окно, лежала на подоконнике и смотрела на него. Он не знал, как долго она лежала там, ее лицо было покрасневшим от ветра.

Мир мгновенно обрел свою жизненную силу, из тишины вырвались голоса птиц и ветра, из дома донеслось немного теплого аромата. Густой аромат под балдахином, теплое тело девушки и живые глаза — казалось, все это было причиной, по которой он остался в этом мире.

«Что ты делаешь?» Мяомяо оперлась на подоконник с улыбкой в глазах. Птичья клетка была в ее руках, она тихо спрятала ее за спиной, готовая показать ему шедевр Шэншэна.

Птица в клетке выела части зерна, сваленного в небольшую гору. Медленно клюя, чтобы не подавиться, и брызгая на зерно водой, как дотошный скульптор, горка превратилась в подобие маленького каменного гриба.

Линг Мяомяо наблюдала как юноша подходит ближе, ожидая, что он кротко признается, что поливает цветы, а затем сказать ему: "Есть ли еще вода в горшке", [1] но кто бы мог подумать, что он решит подойти к окну, поднимет лицо вверх, закроет глаза и выставит вперед свои губы.

«Жду тебя.»

Девушка остановилась, легкий румянец выступил на ее щеках, ее рука оперлась на подоконник, ее тело высунулось из окна, медленно опустив голову.

«Чирик... » Клетка накренилась. Птица увидела, как падает ее грибовидный камень, и в гневе захлопала крыльями.

В последнее время, когда Му Шэн и Му Яо встречались, они едва могли смотреть друг на друга.

Их обиды были настолько запутаны, что они не могли сказать, кто кого обидел больше.

Напротив, разочарование Му Яо было еще более выраженным. Когда Лю Фуи с силой ставил перед собой миску с рисом, она съедала совсем немного, прежде чем теряла аппетит.

Письмо Бай Цзинь почти разрушило ее убеждения: «Фуи, я действительно не знаю, хочу ли я сделать это заклинание или нет.»

С самого начала план главных героев заключался в том, чтобы создать Круг Семи Убийств и ждать обиженную банши. Теперь она поняла, что обиды ее семьи возникли по другой причине и что другая душа завладела телом Бай Йиронг, ненависть, которая привела ее к этому моменту, практически превратилась в шутку.

За столом на мгновение воцарилась тишина, и Лю Фуи ответил: «Думаешь, если мы не приготовимся, обиженная банши отпустит вас двоих?»

Его взгляд скользнул по Му Яо, а затем посмотрел на Му Шэна.

Му Яо не открыла рта, но Му Шэн ответил первым: «Нет.»

Линг Мяомяо посмотрел на него, но молодой человек уже снова сосредоточился на еде.

Му Яо ясно понимала эту истину в своем сердце. Она была дочерью врага, а Му Шэн был источником силы банши. Даже если бы они отпустили ее, она бы их не отпустила.

Она вздохнула и ей пришлось посмотреть Му Шэну прямо в лицо: «А'Шэн.....»

Ее голос был немного резким.

«Давайте начертим круг.» Му Шэн ел, не поднимая взгляда: «Обиженная банши — это не она.»

Обиженная банши, поглотившая ее, была также и его врагом.

Таким образом, за обедом план был доработан.

Лю Фуи прочистил горло, чтобы разорвать застоявшуюся атмосферу: «Яо'эр.»

Он оглядел всех и вздохнул: «Если ты правда недовольна, давай устроим свадьбу.»

На столе мгновенно воцарилась тишина, и Яо на мгновение застыла на месте.

Затем с грохотом Мяомяо уронила одну из своих палочек для еды. Она поспешно подняла ее и взволнованно ударила ими по столу: «Брат Лю, ты делаешь предложение?»

Му Яо сначала была ошеломлена, а затем покраснела: «Мяомяо, не говори чепух.....»

«Да, я делаю предложение.» Лю Фуи мягко прервал ее и нежно посмотрел в лицо Му Яо: «Мы так долго откладывали, пора перестать. Давай поженимся.»

«.....»

Прежде чем наступил снежный сезон, Лю Фуи и Му Яо поженились в этом изысканном особняке в городе Вуфанг.

Линг Мяомяо думала, что ее свадьба с Му Шэном в полуразрушенном храме уже была достаточно простой, но она не ожидала, что свадьба Му Яо будет в несколько раз проще, чем у нее. Там не было даже вышитой фаты с кисточками, а было простое однотонное красное хонггаитоу и платье. В зале зажгли ряд свечей, а во дворе провели свадебную церемонию.

В конце концов, они были главными героями оригинальной книги, у них была прекрасная внешность, Лю Фуи был нежным, а Му Яо — крутой. Даже если они носили самую недорогую одежду, вместе они выглядели как пара благородных и элегантных людей, никто не мог быть более совместимым, чем они.

В ночь свадьбы Линг Мяомяо приготовила для пары пельмени.

Пельмени были завернуты ею и Му Шэном вместе, и все они были кривые и ужасными, и когда их вытащили из воды, многие из них были сломаны. Линг Мяомяо чувствовала себя очень виноватой, когда собирала все сломанные пельмени в свою миску, и, наконец, заставила Му Шэна вылить их.

«Ты такой умный, но почему ты не можешь научиться заворачивать пельмени?» Линг Мяомяо закрыла лицо и грустно спросила.

Молодой человек посмотрел на нее, как будто немного удивился, слегка поджал губы и уверенно сказал: «В следующий раз я смогу.»

Могло ли такое чудо произойти?

Линг Мяомяо еще не завернула за угол. Одетый в свадебную одежду, Лю Фуи открыл рот, взял сломанный пельмень и некоторое время смотрел на него: «Мяомяо, в следующий раз, когда будешь готовить пельмени, добавь в воду немного соли, это поможет им не сломаться.»

«О.» Линг Мяомяо смущенно кивнула.

Лю Фуи положил его в рот, попробовал и засмеялся: «Мяомяо, здесь недостаточно соли и слишком много порошка из пяти специй.»

Линг Мяомяо сдержалась, простив его, потому что сегодня была его свадьба: «Поняла.»

Му Яо подняла вуаль, обнажая свои красные губы идеальной формы. Она осторожно съела один пельмешек, помогая Мяомяо: «Я думаю, это вкусно.»

Лю Фуи сказал ей на ухо: «Она действительно не умеет готовить; ей нужно практиковаться.»

Му Яо не смогла сдержаться: «На самом деле, я не намного лучше Мяомяо.»

«Это не то же самое. Я умею готовить», — ответил Лю Фуи: «У тебя есть я.»

Линг Мяомяо закрыла глаза и просто наблюдала сквозь пальцы, как они флиртовали друг с другом: «.....Брат Лю, после того, как вы двое закончите есть, поторопитесь и проведите свою первую ночь.»

Лю Фуи замолчал; он сел и сосредоточился на поедании пельменей. Этот прямолинейный человек, который всегда медленно реагировал, был смущен поддразниваниями Мяомяо.

Мяомяо с любопытством посмотрела на открытые губы Му Яо.

С момента своего дебюта Му Яо всегда появлялась в легком и чистом образе, и она никогда не видела ее с сильным макияжем.

Мяомяо почувствовала, как любопытство царапает ее сердце, и осторожно спросила: «Сестра Му, могу я увидеть твоё лицо?»

«Да.» Му Яо поколебалась и подняла руку, чтобы поднять вуаль, но Лю Фуи остановил ее.

«Это моя невеста, только я могу смотреть на нее. Почему ты смотришь на нее?»

Мяомяо раздраженно ответила: «Хмпф.»

Лю Фуи повел Му Яо в свадебный чертог. Их шаги были мягкими и спокойными, с неопишуемой теплотой и безмятежностью. Мяомяо наблюдала издалека, ее сердце было наполнено смешанными чувствами радости и печали.

Если сюжетная линия не отклонилась от нормы, брак двух главных героев означал, что «Охотники на демонов» вот-вот подойдут к концу, вот-вот должна была обрушиться последняя великая волна, и история должна была внезапно достичь кульминации.

Это последнее препятствие было смертельной опасностью для них всех.

Когда она вернулась в комнату, Мяомяо села перед туалетным столиком и стала причесываться перед зеркалом.

Думая о том, что она не смогла увидеть лица сестры Му, она так разозлилась, что покрасила себе губы.

Му Шэн сидел рядом с ней и не стал обвинять ее в том, что она красилась по ночам, а наоборот посмотрел на нее с искоркой в глазах: «Я помогу тебе.»

«Ты сделаешь это?» Линг Мяомяо на мгновение заколебалась, с любопытством наклонила голову и закрыла глаза, чтобы посмотреть, что он сможет сделать.

Молодой человек взял с полки тонкую кисть из щетины ласки, подошел к ней, обхватил ее лицо ладонями, обмакнул кисть в киноварь и начал рисовать ей на лбу.

Влажный кончик кисточки щекотал ей лоб, и ее сомкнутые ресницы затрепетали, когда она пробормотала: «Готово?»

«Почти.» Он намеренно замедлил шаг, рассматривая ее лоб, каждый штрих напоминал затяжной поцелуй на ее лбу.

«Готово.» Он отпустил руку, Линг Мяомя открыла глаза и посмотрела в зеркало. На лбу у нее был изящно нарисован красный пятилепестковый цветок сливы.

Черные глаза Му Шэна посмотрели в зеркало. Уголки его губ тихо изогнулись — у него был эгоистичный мотив.

Цветок сливы с пятью лепестками изображал его, когда Линг Мяомя вырезала слова на бамбуковой стрекозе.

«Ух ты.» Линг Мяомя не обращала внимания на все остальное, пристально глядя на зеркало, желая протянуть руку и прикоснуться к нему, но боясь смазать его, ее пальцы с опаской оперлись на край лба и она в изумлении сказала: «Как красиво.»

Она повернула голову, и ее взволнованные глаза встретились с его, и Му Шэн нежно поднял ее подбородок и поцеловал ее в лоб.

«Эй--»

Мой цветок!

Мяомя вскрикнула от гнева и отпрянула назад, но Му Шэн прижал ее затылок и не позволил ей убежать, намеренно надавив ей на лоб, и мягкими губами стер цветок в грязное красное пятно.

«.....» Линг Мяомя посмотрела в зеркало и увидела, что пятилепестковый цветок сливы, который прожил меньше минуты, уже был уничтожен, а также увидела немного красного на губах черного лотоса. Удивленная, она бросила в него полоску шелка: «Скорее вытри их.»

«Разве я тебе не говорила? Ты отравишься, если съешь киноварь!»

Му Шэн послушно вытер губы и посмотрел на нее с невинным лицом.

~~~~~

[1] - Дорогой, где ты был?

- Бегал. [поливал цветы]

- А почему футболка сухая и совсем не пахнет? [А почему воды в бочке так много осталось?]